

За всю свою жизнь Фэн Сяо редко сталкивался с ситуацией, когда он оказывался в трудном положении.

С самого детства он выделялся среди своих сверстников своими талантами. Он преуспевал как в боевых искусствах, так и в обучении без особых усилий. Он легко получал то, о чем просили обычные люди, но не смогли бы получить, даже приложив большое количество усилий. Даже в бюро Цзецзянь он пользовался невероятной благосклонностью императора, который даровал ему такую власть, что он мог делать все, что пожелает, где бы он ни находился.

Никто не мог заставить его преклонить колени. Даже трудные ситуации, благодаря уму, для него не оказывались сложной задачей.

Только сейчас он переоценил себя; из-за минутной беспечности он упал в яму, которую кто-то приготовил для него. Хотя это было не так опасно, чтобы заставить его потерять жизнь, этого было достаточно, чтобы растоптать его гордость. Это позволило второму командующему Фэну осознать, что он не всемогущ.

К счастью, самой несчастной жертвой этого был не он.

Когда он был в плохом настроении, а потом думал, что есть кто-то более несчастный, чем он сам, настроение невольно улучшалось.

Когда Фэн Сяо посмотрел на лежащего без сознания Цуй Буцюя, он не смог удержаться и начал напевать тихую мелодию.

— Если ты все еще отказываешься просыпаться, я оставлю тебя здесь и один вернусь в город.

— Действительно, когда я внимательно смотрю на твое лицо, даже несмотря на то, что я выгляжу на порядок лучше тебя, ты все же выделяешься среди прочих.

— Цуй Буцью, Цуй Буцью. Как бы я тебя ни заставлял, ты отказываешься идти. Вряд ли это твое настоящее имя.

Фэн Сяо прислонился к скалистому утесу, прищурившись, стал наблюдать за восходом солнца. Слоистые облака окрасились лучами солнца, с высоты открывался великолепный вид на горные цепи, реки и постепенно угасающие костры. Он слегка толкнул Цуй Буцью, который лежал.

— Разве тебе не жаль упускать такой прекрасный пейзаж, как этот?

Конечно, Цуй Буцью не ответил.

Если бы он был в сознании, поднял бы камень и засунул его в рот Фэн Сяо, чтобы помешать ему продолжать болтать.

Однако, в настоящее время, он мог только спокойно лежать только рядом с Фэн Сяо. Если бы не солнечный свет, который слепил его глаза, заставляя хмуриться, он был бы похож на человека, который погрузился в глубокий сон и отказывается просыпаться.

Несмотря на то, что Фэн Сяо практически лишил Пэй Цзинчжэ жалования на следующие пять лет, тот так и не появился. Фэн Сяо вздохнул и начал подумывать о том, чтобы перевести Пэй Цзинчжэ в одну из опорных пунктов бюро в Цемо.

— Ты неважно выглядишь, позволь мне помочь тебе, — сказал Фэн Сяо, вспомнив о чем-то. — Раньше любили рисовать брови, а мне хочется рисовать на лице. — Как думаешь, похоже?

Цуй Буцью не открыл глаза, но, судя по выражению лица, Цуй Буцью что-то почувствовал на своем лице и хотел открыть глаза, но у него не хватило сил.

Однако так легко сдаваться было не в характере Цуй Буцюя. Его жизнь множество раз оказывалась на волоске, но каким-то образом, всякий раз оставалась крупца надежды, ему удавалось избежать врат ада.

На этот раз все было так же.

Он открыл глаза, его взгляду открылось чистое, лазурное, голубое, величественное небо, простирающееся на десять тысяч ли без единого облачка.

А также, одно невероятно красивое лицо.

— Ты проснулся, — сказал Фэн Сяо, его голос звучал счастливо, — как себя чувствуешь? — Цуй Буцюй попытался пошевелить пальцами, но почувствовал лишь привычную слабость, — так что ему оставалось только лежать, словно труп.

Возможно, это было как-то связано с восходом солнца, потому что теперь он не чувствовал холода. Когда чистый ветерок коснулся поверхности его кожи, его ноги почувствовали свежесть, а на сердце воцарился небывалый покой.

Если бы рядом с ним не было надоедливой человека, было бы еще прекраснее.

— Ты хочешь пить?— спросил Фэн Сяо.

Конечно, он хотел. После ночи и дня без воды Цуй Буцюй почувствовал жжение в горле. И все же он знал, что Фэн Сяо не исполнит его желание так просто. Как и следовало ожидать, другой лукаво рассмеялся:

— Назови меня три раза «папочкой», и я растоплю для тебя немного снега.

Цуй Буцью, определенно, хорошо отомстит ему за это, но пока не пришло время для этого. Он быстро открыл свой рот и трижды произнес «папочка» настолько быстро, что собеседник не успел даже моргнуть.

Его голос был хриплым и совсем неприятным для уха, но у него это получилось.

Фэн Сяо рукой сгреб снег с земли, подержал в руках и растопил его своей внутренней силой.

Цуй Буцью не был привередливым, подобно Фэн Сяо, который не стал бы пить эту воду, смешанную с песком. Когда Цуй Буцью сделал несколько глотков, он почувствовал себя лучше, горло перестало жечь.

— Мой отец мертв, — произнес Цуй Буцью.

Фэн Сяо: ...

Видя, что Цуй Буцью в полумертвом состоянии, Фэн Сяо решил не спорить с ним. Если Цуй Буцью действительно умрет, он не найдет другого такого же необычного человека.

— Дай мне еще, — Цуй Буцью мог обойтись и без вод, но попробовав, ему хотелось еще.

— Она такая грязная. Как ты вообще можешь это пить?— Фэн Сяо скривил губы, но, тем не менее, он растопил еще немного снега и позволил ему выпить.

— Я пил воду и грязнее, — сказал Цуй Буцью. — Видел лужи после дождя, по которым люди

ходят, смешивая грязь от своей обуви. Даже такую воду мне доводилось пить.

По сравнению с этим, талая вода действительно в сто раз чище.

Когда человек достигает своего предела, не говоря уже о мутной воде, даже если это протухшие остатки еды, он все равно может проглотить

Цуй Буцью не считал, что этот опыт является чем-то, чем можно хвастаться, поэтому говорил он это все обычным тоном, словно рассказывал о том, что он ел сегодня.

Фэн Сяо внезапно сказал:

— Главнокомандующий Цуй,

ПП: я все гадала, знает он о его личности или нет)

Цуй Буцью моргнул, но на его лице не отразилось никаких эмоций.

Однако из-за этого мигания оно было достаточно мохнатым, чтобы подтвердить теорию.

— Великий главнокомандующий бюро Цзоюэ так долго оставался рядом со мной, чтобы водить нас по кругу, он даже охотно позволил нам использовать на нем Найхэ. Это действительно заставило меня увидеть тебя в совершенно новом свете!

— Думаешь, главнокомандующий бюро Цзоюэ подверг бы себя опасности и позволил тебе привести себя сюда, хотя это могло даже стоить ему жизни?

— Кто-то другой, возможно, нет, но ты бы это сделал. Человек, как ты, никогда и ни за что не преклонил бы голову перед кем бы то ни было. Кого-то вроде тебя, никто не смог бы подчинить. Даос Цуй, ты водил меня за нос так долго, твое терпение достойно восхищения.

Цуй Буцью не стал опровергать, выдумывать бесполезные оправдания.

— Второй командующий бюро лично приехал в столь отдаленный город. Разве такой никчемный человек, как я, стоит хоть чего-то?

Фэн Сяо улыбнулся:

— Я могу убить тебя здесь, и никто даже не узнает. К тому времени, когда твой труп будет погребен под песком, даже если тебя найдут, никаких улик уже не останется. С тех пор бюро Цзоюэ больше не будет бороться с бюро Цзецзянь за абсолютную власть, что ты об этом думаешь?

Цуй Буцью ответил:

— Неплохая история. Но я не единственный талантливый человек в этом мире. Если бюро Цзоюэ потеряет меня, появится новый глава. Тогда, мое убийство бессмысленно.

— Но не все так умны, как ты. Даже с учетом состояния твоего тела, ты все равно успеваешь устраивать мне ловушки. Если тебя не станет, я избавлюсь от лишних хлопот.

Пока он говорил, он протянул руку и обхватил Цуй Буцью за шею.

Цуй Буцьюй выглядел безразличным, наблюдая за выражением лица собеседника. Казалось, он был даже спокойнее самого неба, словно действия другого человека не имели к нему никакого отношения.

...

После того, как Цяо Сянь и Чжансунь узнали, что Цуй Буцьюй был схвачен Фэн Сяо, они бросились в лес Хуян. Естественно, Пэй Цзинчжэ последовал за ними, но, добравшись до леса Хуян, обнаружили, место практически безлюдным. Они смогли обнаружить только следы происшедшей битвы.

Они все оказались в одной лодке и, больше не заботясь о своих разногласиях, направились на поиски.

В это время все еще бушевала буря, и шел снег. Хотя они знали боевые искусства, они не

были бессмертными. Чем дольше ночью шел снег, тем больше они беспокоились. Цяо Сянь даже начала беспокоиться о том, что Фэн Сяо мог использовать Цуй Буцьюя в качестве живого щита, и несчастье уже постигло его.

Лес был заросшим и диким и простирался так далеко, насколько хватало глаз, словно ему не было конца. Они искали до рассвета, пока снежная буря постепенно не утихла. Спустя долгое время, Цяо Сянь нашла следы за валуном, покрытым белым снегом.

Фэн Сяо, хотя и выглядел устало, держался прямо и был довольно бодрым. Он лениво оглядел их, совершенно не удивленный тем, что появились Цяо Сянь и Чжансунь.

— Как вы вовремя появились. Еще немного, и, боюсь, ваш даос Цуй превратился бы в окоченевший труп.

Цяо Сянь предпочла бы лучше не видеть этого, но как только она посмотрела на Цуй Буцюя, выражение ее лица изменилось, а сердце забилося сильнее и пропустило удар.

Лоб, щеки, даже шея Цуй Буцюя были заполнены словами.

Мазки были довольно сильными, с изящными изгибами, как если бы их написал известный художник, но не это было главное.

Суть была в содержании.

«Я, Цуй Буцюй, я в долгу перед Фэн Сяо за то, что он спас мою жизнь. С сегодняшнего дня я буду называть его «папочка» и если откажусь от данного слова, меня настигнет кара небесная, и я буду пить прогорклую воду каждый день, при каждом выходе из дома буду сталкиваться с несчастьями и ломать ноги во время бега».

Прежде чем Цяо Сянь успела стереть эти слова, стоявший у нее за спиной Пэй Цзинчжэ уже прочитал их вслух.

Уголки глаз и губы Чжансунь Бодхи слегка дрогнули.

Он наклонился, желая стереть слова с лица Цуй Буцюя, но быстро обнаружил, что стереть их невероятно трудно.

Фэн Сяо холодно рассмеялся.

— Не тратьте силы. Эта грязь здесь повсюду. Если растереть ее и использовать для письма, то избавиться будет очень непросто. Прежде чем написать, я убедился, что она точно останется на какое-то время. Если бы это обещание было бы так легко стереть, была бы она столь

ценной?

Цуй Буцюю оставалось только закатить глаза на это замечание.

— Отнесите меня обратно. Чжансунь, дай мне свою бамбуковую шляпу.

Чжансунь Бодхи снял шляпу и молча отдал, затем взвалил Цуй Буцюю на спину.

Фэн Сяо даже не попытался их остановить, больше того, проводил их, махая рукой.

Даос Цу, поправляйся. Я навещу тебя через несколько дней. Тебе не стоит забывать о том, кто спас твою жизнь.

Цуй Буцюю натянуто улыбнулся.

— Буду помнить даже через восемь поколений.

Очевидно, должно было пройти некоторое время, чтобы все разложилось по своим местам, независимо от того, что произошло между этими двумя.

Цяо Сянь показалось, что Цуй Буцюю расслабился, как только встретил их.

Она давно следовала за Цуй Буцюем, поэтому могла заметить то, чего другие могли упустить. Она знала все его предпочтения и знала, что он не любит. Цуй Буцюю был осторожным и упрямым человеком, редко ослаблял свою бдительность. Заместители были единственными, кому он доверял.

Не было необходимости в обмене любезностями с членами бюро Цзецзянь. Заместители забрали своего главнокомандующего и тут же ушли. Фэн Сяо тоже не делал попыток их остановить, поскольку ему самому нужно было время, чтобы восстановить свои внутренние силы.

В настоящее время дело об убийстве посла Хотана все еще оставалось нераскрытым, и нефрит Небесного озера так и не был найден. Тюрк, который пришел за Цуй Буцюем, принял Фэн Сяо за свою цель, но был отогнан из города именно этим человеком. Они были окружены с трех сторон, эта ситуация, которая возникла из-за невнимательности, едва не привела к их гибели. В этой битве ни одно из бюро не вышло победителем. На данный момент, между бюро Цзоюэ и Цзецзянь разошлись, поставив заметку в памяти о мести в назначенный день.

По пути обратно Цуй Буцюй заснул, лежа на спине Чжансуня.

Чжансунь Бодхи шел, стараясь держать плечи ровно, чтобы не спящий человек не был побеспокоен тряской.

— Главнокомандующего, по-видимому, отравили, — тихо сказала Цяо Сянь.

Чжансунь только хмыкнул в ответ, поскольку уже давно почувствовал необычный аромат.

— Благовония Найхэ.

Удивление на лице Цинь Сяо сменилось гневом:

— Бюро Цзецзянь! Как только они посмели.

Чжансунь не произнес ни слова.

Фэн Сяо был противоречивым человеком, независимо от того, был ли он жестоким или нет, был известен всем и всюду. Так что в том, что он использовал такие методы по отношению к главнокомандующему, не было ничего странного.

— Не переусердствуй со своим гневом. Подожди, пока главнокомандующий не проснется, прежде чем принимать какие-то решения. Возможно, он уже имеет собственный план.

Однако Цуй Буцью проспал целых два дня.

Когда он проснулся, его тело было расслаблено, не было ни единого места, в котором он бы ощущал усталость.

В этот момент и его ум бодрствовал. Это говорило о том, что он достаточно отдохнул. Как только он открыл живые глаза, сразу же позвал своих заместителей.

— За эти дни что-нибудь произошло? Прибыл посол Апа-хана?

Служанка подала ему куриный суп. Цуй Буцью отказался от помощи и сам неспешно начал есть, слушая доклад подчиненных, которые этого давно ждали.

— Посол Апа-хана в городе, приехал вчера, — сказала Цяо Сянь. — Мы их встретили и разместили, ждали только вашего пробуждения, чтобы назначить встречу.

Цуй Буцью кивнул:

— Бюро Цзецзянь чем занят?

— Фэн Сяо приказал окружному магистрату Чжао перекрыть город и обыскать все, чтобы найти эту женщину из Когуре. Еще, случилось несчастье в семье Лу, когда вы с Фэн Сяо отправились в лес, дочь Лу Ти утонула. Фэн Сяо разыскивает Цинь Мяоюй, а его люди все еще окружают поместье Лу, никого не впуская и не выпуская. Лу Ти был невероятно взбешен и написал письмо своему дальнему родственнику в Фаньян Лу.

Закончив объяснение, она немного помолчала.

— Мне еще есть что сказать. Вчера я видела лучшего мастера среди тюрков, Фо Эра. Он, кажется, заметил меня, и я не смогла проследить за ним.

Несмотря на то, что в настоящее время город был перекрыт, такие мастера, как Фо Эр и Гао Нин, могли проникнуть внутрь без каких-либо проблем.

— Должно быть, он узнал о прибытии посла Апа-хана и обнаружил, что его ввели в заблуждение. Нужно привести посла сюда, ради его же защиты.

Цяо Сянь кивнула.

Она думала, что Цуй Буцуй немедленно организует встречу с послом хана, но его, похоже, больше интересовал случай в поместье Лу.

— Что случилось дочерью Лу Ти? Изложи мне все, — сказал Цуй Буцуй.

— Это долгая история.

У Лу Ти была только одна дочь, естественно, она была любима, и ей доставалось все лучшее в этом мире. Когда же подошло время для замужества, отец не захотел выдавать дочь. Он хотел еще немного подождать, чтобы потом передать зятю семейное дело.

У молодой госпожи Лу был двоюродный брат, тот самый, который несколько дней назад поссорился с Фэн Сяо в «Пяти вкусах».

После кончины обоих родителей Су Син находился под опекой у семьи Лу. Молодой человек был невероятно хорош, а девица – красива. Конечно, молодые влюбились друг в друга. Хотя Лу Ти думал, что у Су Син не было нормальной жизни, поскольку оба его родителя умерли, его дочь любила его, и Су Син не имел ни одного члена семьи, поэтому мог бы жениться на молодой госпоже Лу и стать членом семьи Лу. Изначально, он хотел подождать еще два года, чтобы оформить их брак.

Однако некоторое время назад, благодаря торговым сделкам, Лу Ти восстановил отношения со своими дальними родственниками из клана Фаньян Лу. Их старейшине приглянулась молодая госпожа Лу и он захотел женить на ней молодого человека из клана Тайюань.

Лу Ти узнал, что молодой человек был всего на два года старше его дочери, талантлив и он преуспел в учебе. Более того, его дядя служил в императорском дворе. Он определенно преуспел бы в будущем.

Такой хороший кандидат, без сомнения, в сто раз лучше Су Сина. Лу Ти было трудно отказать, но молодая госпожа сильно воспротивилась. Хотя она была очень послушной девочкой, в тот момент она повздорила со своим отцом. После того, как они поссорились, с ней в тот же вечер произошел непредвиденный инцидент.

Это означало, что тем же вечером, люди бюро Цзецзянь выслеживали того таинственного человека и увидели как он скрылся в поместье Лу. Вскоре после этого с молодой госпожой Лу случилось несчастье.

<http://bllate.org/book/13926/1227011>